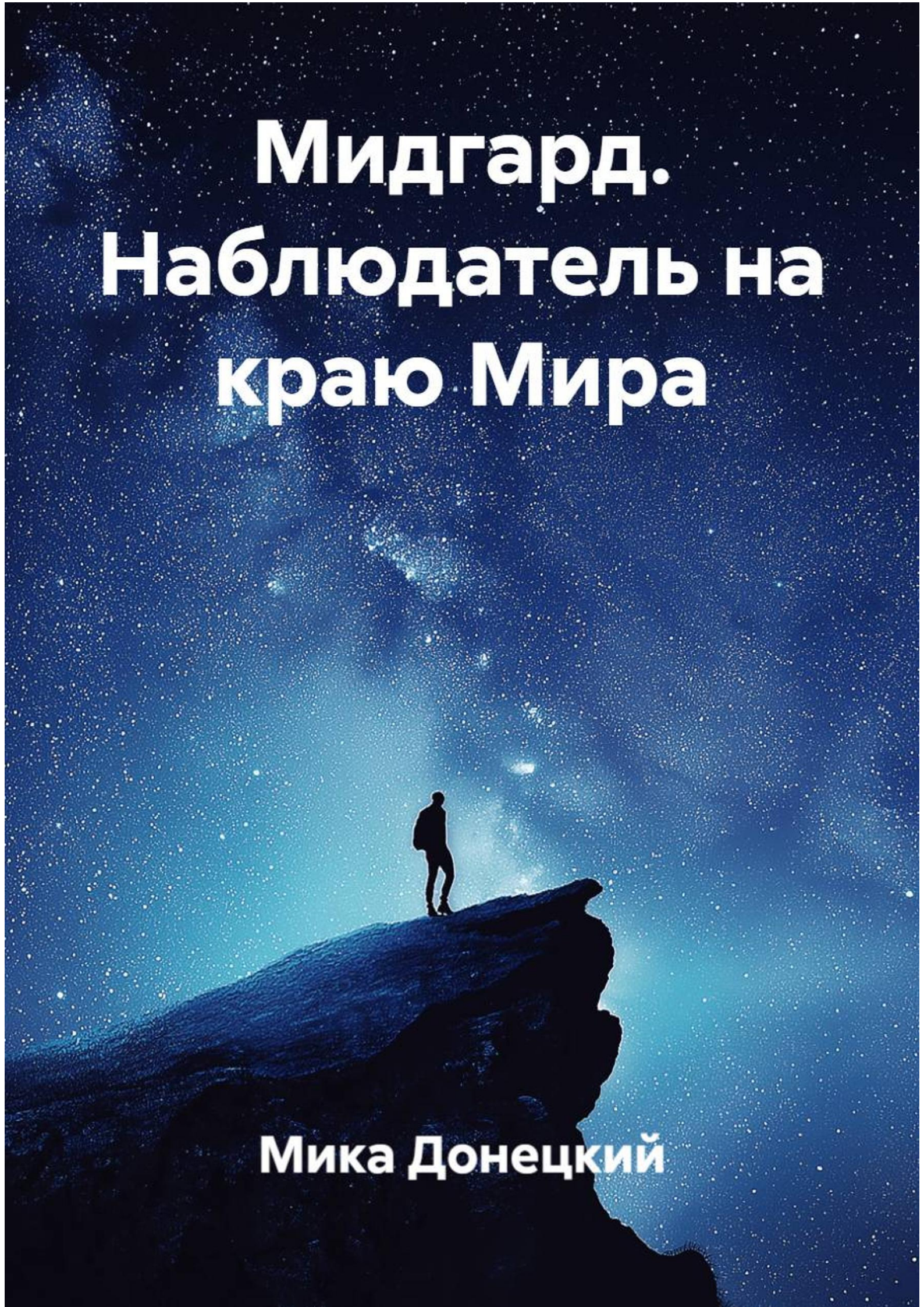

A person stands on the edge of a dark, jagged rock formation, looking out at a vast, deep blue night sky filled with stars and a faint, glowing nebula. The person is silhouetted against the bright, starry background.

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира

Мика Донецкий

Мика Донецкий

**Мидгард. Наблюдатель
на краю Мира**

«Автор»

2026

Донецкий М.

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира / М. Донецкий — «Автор»,
2026

«На краю не известного мира, где солнце не садится, а тишина звучит громче крика, судьба команды зависит не от силы и не от скорости — а от умения видеть и слышать. Верис первым замечает странности: рябь, идущую не от ветра, песок, хранящий чужое тепло, металл корабля, будто пробуящий этот мир на вкус. Но он понимает: одного взгляда мало. Чтобы разгадать Мидгард, нужна вся команда. Постепенно команда осознаёт: им не нужно покорять Мидгард. Им нужно научиться говорить на его языке — и этот язык состоит из мелочей. Каждый замечает своё, и только вместе из разрозненных деталей складывается карта понимания. А понимание становится их главным инструментом — и единственным путём домой. Наблюдатель на краю мира — о том, как команда, собрав воедино все взгляды, учится слышать чужой мир и в этом слушании находит силу быть вместе.»

© Донецкий М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1. Падение Вайтмары.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мика Донецкий

Мидгард. Наблюдатель на краю Мира

Часть 1.

Пролог. Прибытие на Мидгард.

Когда небо ещё было молодым и дышало огнём, а океаны только учились шептать, пришла Вайтмара.

Она не упала с небес — она медленно опускалась, дрожа и стеная, словно огромная птица с подбитым крылом. Её чрево, привыкшее к тишине межзвёздной пустоты, теперь отзывалось лязгом на каждый толчок чужого воздуха. Небесная колесница была ранена — и рана эта не от битвы, а от пути, который оказался длиннее, чем выдержало её тело.

Я стоял у иллюминатора и смотрел, как Мидгард приближается. Сначала — синяя точка, потом — круг, потом — мир. Живой, тёплый, дышащий. И такой чужой, что сердце сжалось.

Вайтмара коснулась земли мягко — на Северном полюсе, там, где Ярило-Солнце не желало заходить на покой. Оно висело над горизонтом, низкое и тусклое, но неутомимое — вечный день, вечный свет. Позже, в Сказах, скажут: Ярило не уходило, чтобы постоянно видеть благие дела тех, кто пришёл. Но тогда, в тот час, мы ещё не знали, что дела наши будут благими. Мы знали только одно: мы больше не можем лететь.

Было восемнадцать часов по нашим часам, когда металл трапа смешался с землёй. Ветер пахнул солью и чем-то древним, незнакомым, от чего волоски на руках вставали дыбом. Земля дрожала, но не от удара — а будто вздохнула: наконец-то. Или: зачем вы здесь?

Из чрева Вайтмары вышли те, кого позже назовут Предками. И они были не одинаковы — потому что пришли с разных Земель, из разных созвездий, и свет их родных солнц навсегда отпечатался в их глазах.

Четыре рода.

Первыми сошли ДаАрийцы. Серебро в их глазах было холодным и ясным, как свет звёзд созвездия Малой Медведицы, откуда они пришли. Они ступали на землю так, словно уже знали, что она примет их не как гостей, а как поле битвы. Их руки искали оружие раньше, чем ноги находили опору. Старший среди них оглядел горизонт и не задал вопросов — он сразу начал считать: сколько выходов с берега, где укрытие, откуда может прийти беда. ДаАрийцы были предводителями и воинами, и в их молчании было больше порядка, чем в чужих приказах.

За ними — Х'Арийцы. Зелень их глаз была глубокой, как цвет тех далёких созвездий, чьи имена они помнили наизусть: Большая Медведица, Лебедь. Они не смотрели на землю — они её слушали. Один из них опустил ладонь на камень и замер. «Она живая, — сказал он. — Не так, как мы. Но живая». ХАрийцы были ведунками и священнослужителями, и они первыми поняли, что Мидгард — не пустой сосуд, а мир с памятью.

Третьими — Светорусы. Синева их глаз была цвета ясного дня, и пришли они из созвездий, где свет был ровным и сильным. Они не ждали приказов и не молились — они сразу начали смотреть, из чего можно сделать укрытие, как согреться, как закрепить трап, чтобы он не обрушился. Их руки были ловкими, а головы — быстрыми: ремесленники и изобретатели, для которых любой новый мир — это просто новая задача.

Последними — Рассены. Огонь в их глазах мерцал и переливался, как живое пламя, и пришли они с Земли созвездия Льва. Они сошли на берег и сразу — заговорили. Не между собой, а с землёй, с ветром, с водой. Они смеялись и трогали всё руками, и спрашивали у

каждого камня, как его зовут. Очень общительные, контактные — они не могли находиться в тишине, потому что тишина для них была как отсутствие воздуха.

Чужой мир.

Старший из ДаАрийцев посмотрел на горизонт и тихо сказал:

— Здесь всё будет иначе.

И я тогда впервые почувствовал, что «иначе» — это не про удобства, а про цену.

Мидгард встретил нас неприветливо, хотя и не враждебно. Гравитация была выше, чем на нашей прародине — не сильно, но достаточно, чтобы тело чувствовало лишний вес. Мы спускались по трапу и двигались медленнее, чем привыкли, и каждый шаг давался тяжелее. Потом мы узнали: наши кости крепче, чем у местных существ — их плотность была иной, 0,8 против здешних 1,0 и выше. Мы были легче, чем этот мир, — и мир это чувствовал.

Местные твари — те, что встретились нам в первые часы — двигались уверенно, свободно, будто родились для этой земли. Они вставали на конечности почти сразу после рождения и шли. А наши дети... Наши дети кричали. Кричали при рождении — не от боли, а от давления, которое было выше, чем в том мире, где их ждали. И им нужно было больше времени, чтобы научиться держать голову, ползать, ходить. Предки придумали рожать в воду — чтобы ребёнок переходил из одной среды в другую мягко, и мир не давил на него сразу всем своим весом.

Потом мы заметили и другое. Если человека заточить в тёмное пространство, он не оставался в привычном ритме — он уходил в 36, а то и 48 часов бодрствования и сна, будто его тело помнило ритм другой звезды, другого солнца. А местные животные не изменяли своего — они жили в 24-часовом круге, точные, как часы. Это было первым доказательством: мы — не отсюда. Мы — пришедшие. И сколько бы поколений ни сменилось, тела наши будут помнить путь, который привёл нас сюда.

Даария.

Континент, на который мы ступили, мы называли Даария — Дар Ариям от Богов. Он лежал на Русском Севере, там, где сейчас льды и тишина, но тогда — тогда это была земля под вечным солнцем. Ярило не уходило. Не было ночи. Не было тьмы. Был свет, и в свете — мы.

Четыре рода, четыре цвета глаз, четыре дара. И один общий груз: мы больше не могли вернуться. Вайтмара — небесная колесница, принесящая нас через звёзды — была сломана. Она не полетит снова. И потому мы сделали то, что делали всегда: встали на новую землю и понесли свою Традицию дальше — через Круги Времён, в изначальном варианте, как завещали те, кто послал нас вперёд.

Это сказание о первом дне. О дне, который не закончился, потому что солнце не зашло. О дне, который стал началом всех наших дней на Мидгарде.

Лето ~1, 5 миллиардное от прибытия на Мидгард первой вайтмары Великой Расы Рода небесного.

Глава 1. Падение Вайтмары.

Я до сих пор помню этот звук — такой, будто весь мир скрежещет зубами. Не взрыв, не грохот, а именно протяжный, тяжёлый стон металла, которому больно. Вайтмара не падала — она сдавалась. Медленно, упрямо, но всё-таки сдавалась.

— Держим курс! — кричал старший пилот, хотя держать уже было нечего.

Панель перед ним мигала тревожными огнями, и каждый новый сигнал будто отрезал нам ещё один путь назад. Мы шли через пустоту столько циклов, что уже забыли, как выглядит настоящая буря, а тут вдруг оказалось: буря — это когда твой межзвёздный корабль перестаёт слушаться собственных рулей.

Я стоял у иллюминатора, вцепившись пальцами в холодный металл обрамления, и смотрел, как внизу растёт эта синяя точка. Сначала просто точка, потом шар, потом — целый мир. И он был слишком живой. Слишком тёплый. Слишком громкий для нас, привыкших к тишине космоса.

— Мидгард, — тихо произнёс кто-то рядом. Просто имя, без пафоса. Но в нём вдруг прозвучало всё сразу: и надежда, и страх, и понимание, что дальше будет только тяжелее.

Вайтмара вздрогнула в последний раз и пошла на снижение. Не по плану, не по расчётам — по инерции и молитве. Я не верил в молитвы, но в тот момент шептал что-то сквозь зубы, сам не зная что.

Когда мы коснулись земли, планета не ударила нас. Она просто... вздохнула. Мягко, глубоко, будто ждала этого момента. Земля дрожала, но не от ярости — а будто наконец-то выдохнула: «Ну вот, теперь ты здесь».

Я глянул на хронометр восемнадцать ноль ноль ровно. Как будто сама судьба поставила точку. И тут же заметил ещё одну странность: солнце не садилось. Вообще. Оно висело над горизонтом, низкое, оранжевое, но упрямое — и не собиралось уходить.

— Вечный день, — пробормотал я, будто если произнесу это вслух, оно станет правдой.

Рядом остановился Борвин, старший из ДаАрийцев — тот самый, который никогда не говорил лишнего. Чуть позади него, как всегда, стояла Мирана: она не пыталась быть на виду, но именно её глаза замечали то, мимо чего проходили все остальные. Сейчас она смотрела на горизонт так, будто уже раскладывала его на сектора, отмечая, где может прятаться угроза.

— Мы здесь надолго, — сказал Борвин спокойно. Без горечи, без злости. Просто как факт, который надо принять.

И в эту секунду я понял: мы не просто приземлились. Мы остались.

Кто-то из молодых сорвался с места, хотел броситься к выходу, будто там, за люком, его ждёт спасение. Это был Ярун из Рассенов — он всегда первым рвался вперёд, даже когда лучше было постоять и подумать. Но Борвин только поднял руку — и парень замер, будто наткнулся на невидимую стену. Рядом с Яруном тут же оказалась Лисса: она не стала его одёргивать, просто встала рядом и чуть кивнула, как будто говорила: «Сейчас не время. Но ты не один».

— Сначала осмотримся, — голос старшего звучал ровно, но в нём звенела сталь. — Сначала поймём, куда мы привели свой корабль.

Я снова глянул в иллюминатор. Вайтмара лежала на земле, огромная, гордая, но теперь — беспомощная. Её крылья были сложены, будто она устала лететь. И я вдруг почувствовал странное: не только мы пришли сюда. Она тоже пришла. И теперь ей тоже придётся учиться жить на этой земле.

Снаружи пахло солью, ветром и чем-то древним, незнакомым — таким, от чего волосы на руках встают дыбом. Это был запах чужого мира. И нашего нового дома.

Зорен, ХАриец, тихо подошёл и встал рядом, не мешая, просто дыша в такт со мной. Потом он медленно протянул руку и коснулся стекла иллюминатора. Чуть позади Зорена опустилась на колено Велана — спокойная, собранная, она будто умела слышать даже то, что ещё не случилось.

— Слышишь? — спросил Зорен едва слышно. — Не звук. А... тяжесть. Будто стекло стало тяжелее от этого воздуха.

Я не слышал. Но почувствовал. И от этого стало ещё страшнее: если даже стекло теперь чужое, что будет с нами?

Велана чуть наклонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, как меняется тишина.

— Пусть присматривается, — тихо сказала она. — Но мы не будем обещать больше, чем можем выполнить. Сначала лагерь. Потом разговоры.

Дарвин из Светорусов подошёл чуть позже, уже с планшетом в руках, будто даже в этой катастрофе можно было что-то посчитать. Рядом с ним шла Кира — она не смотрела на экран, она смотрела на сам металл, будто пыталась прочитать его историю по царапинам и стыкам.

— Если мы не сможем поднять её снова, — тихо сказал Дарвин, глядя не на приборы, а туда, где за стеклом начиналась земля, — нам придётся научиться строить здесь. С нуля.

Кира коротко хмыкнула:

— Не с нуля. У нас есть корабль, есть инструменты, есть знания. И есть время — пока металл ещё наш, а не стал частью этого места.

Борвин кивнул, будто это было именно то, что он и ждал услышать.

— Значит, начнём с того, что есть, — произнёс он. — С этого места. С этого часа.

Мирана чуть сдвинулась вперёд, обозначая готовность действовать. Лисса тихо шепнула что-то Яруну, и тот наконец опустил плечи, будто сбросил с себя лишнюю спешку. Зорен снова коснулся стекла, а Велана прикрыла глаза, словно проверяя, не изменилось ли что-то в самой тишине. Дарвин и Кира уже перекидывались короткими фразами, намечая первые шаги.

А я всё стоял у иллюминатора и смотрел, как этот мир медленно, неотвратимо становится нашим.

Первый шаг.

Люк открывали не рывком, а с осторожностью — будто боялись, что мир снаружи ворвётся слишком резко. Сначала пошла тонкая щель, и в неё тут же влетел ветер: не такой, как в коридорах Вайтмары, не фильтрованный и спокойный, а живой, солёный, с примесью чего-то травяного и каменного. Он ударил в лицо, и у меня на секунду перехватило дыхание.

— Порядок, — коротко бросил Борвин, хотя ни один из нас не знал, что тут вообще можно считать порядком.

Трап пошёл вниз с тяжёлым, уверенным лязгом. Металл касался земли, и звук был какой-то... непривычный. Не звонкий, а глухой, будто земля забирала звук себе.

Первым, конечно, двинулся Ярун. Он не выдержал, шагнул вперёд ещё до того, как трап окончательно встал на упоры, и тут же замер, потому что земля под ним была не твёрдой, как палуба, а чуть пружинила.

— Она дышит, — выдохнул он, и в голосе было не торжество, а почти испуг. — Чувствуете?

ДаАрийцы шли следом за Борвином, но не толпой, а цепью, сохраняя дистанцию, сканируя горизонт. Ладомир, второй по рангу, сразу отметил три точки, откуда могла бы прийти угроза, и коротко кивнул, будто закрепляя их в памяти. А чуть впереди, почти сливаясь с тенью скал, двигалась Мирана. Она не делала лишних движений, не смотрела по сторонам — она смотрела сквозь пейзаж, как будто видела его схему. Когда Ярун шагнул, она едва заметно качнула головой — не приказ, не окрик, а тихий сигнал: «Не торопись». И Ярун, хоть и не услышал, будто почувствовал и чуть замедлился.

ХАрийцы не торопились. Зорен остановился на верхней ступени, закрыл глаза и просто стоял, подставляя лицо ветру. Потом медленно опустил ладонь на поручень трапа и замер.

— Металл остывает, — тихо сказал он. — Не как в космосе. Здесь он... отдаёт тепло. Как будто хочет стать частью этого места.

Я невольно глянул на поручень: на тёмном металле играли блики низкого солнца, и казалось, что поверхность чуть-чуть зернистая, будто уже начала покрываться тонкой плёнкой мира.

Чуть позади Зорена опустилась на колено Велана. Она не спрашивала, не торопила — просто села так, чтобы её тень не падала на него.

— Ты слышишь не голос, — сказала она почти шёпотом. — Ты слышишь согласие. Или несогласие. Пусть присматривается. Но мы не будем обещать больше, чем можем выполнить. Сначала лагерь. Потом разговоры.

Светорусы спускались последними — но не потому, что боялись, а потому, что считали. Дарвин на ходу сверял уклон трапа с данными планшета, хмурился и что-то бормотал про нагрузку на опоры. Рядом с ним шла Кира. Она даже не смотрела на экран — она смотрела на сам металл, будто пыталась прочесть его историю по царапинам и стыкам.

— Это не коррозия, — бросила она, постучав ногтем по стыку обшивки. — Это адгезия. Как будто среда хочет, чтобы мы здесь остались.

Кулан хмыкнул:

— Звучит как комплимент планете.

Кира не улыбнулась.

— Комплименты не держат крышу. Я уже прикинула: если мы не снимем блоки регенерации сегодня, завтра будет поздно. Металл начнёт «тянуть» системы внутрь себя.

Дарвин наконец оторвал взгляд от экрана.

— Значит, работаем по плану «если всё сломается», — сказал он.

Кира кивнула:

— Именно. И пусть кто-нибудь скажет Борвину, что нам нужно минимум шесть человек на демонтаж. Без героизма. С техникой.

Лисса, стоявшая чуть в стороне, тихо усмехнулась:

— Я скажу. На меня он хотя бы не смотрит так, будто я предлагаю бросить корабль и уйти в лес.

Когда Ярун раскинул руки и крикнул ветру: «Эй! Мы здесь! Можно мы останемся?» — Лисса не стала его одёргивать. Вместо этого она шагнула чуть вперёд, встала рядом и подняла лицо к солнцу, которое никак не хотело садиться.

— Если кто-то нас слышит, — спокойно сказала она, — пусть знает, что мы не хотим драться. Мы хотим понять.

Ярун покосился на неё, будто хотел возразить, но потом просто опустил руки.

— Прости, — буркнул он. — Опять я сначала ору, потом думаю.

Лисса пожала плечами:

— Зато ты не даёшь нам забыть, что мы живые. Только в следующий раз кричи чуть тише. А то Борвин сейчас решит, что на нас напали.

Борвин поднял руку, останавливая общий шум.

— Слушаем внимательно, — сказал он, и все замолчали. Даже Ярун перестал переминаясь с ноги на ногу.

— Мирана: периметр и дозоры. Держи связь с Ладомиром. Ставь посты так, чтобы не перекрывали сектор обзора друг другу.

Мирана коротко кивнула и ушла в тень скал, уже отмечая в памяти точки для постов.

— Кира: снимаешь системы жизнеобеспечения. Дарвин и Кулан — с тобой. Если металл «тянет» блоки — не рискуйте. Тяжёлые фиксаторы, страховка, никаких импровизаций.

Кира уже доставала из сумки маркеры для разметки.

— Зорен, Велана: вы отвечаете за контакт. Не «поговорить с планетой», а понять, где нам нельзя ставить лагерь, а где можно. Если чувствуете угрозу — сразу сигнал.

Зорен посмотрел на Велану, и она чуть заметно кивнула: они поняли задачу.

— Лисса, — добавил Борвин, — держи людей. Если кто-то начнёт паниковать или спорить — разведи. И... пусть Ярун будет рядом, но не впереди. Он хороший наблюдатель, но пока слишком громкий.

Лисса усмехнулась:

— С этим я справлюсь.

Ярун фыркнул, но спорить не стал.

Борвин на секунду задержал взгляд на мне.

— Ты не обязан быть ни воином, ни мастером, — сказал он спокойно. — Но ты видишь. Если заметишь что-то странное — скажи сразу. Не думай, что это пустяк.

Я сглотнул и кивнул. Впервые мне показалось, что моё «просто смотреть» — это тоже работа. А начиналось всё не однозначно. Я стоял у кромки воды, но видел не песок и не рябь — я видел свой первый день на Вайтмаре. Он почему-то всплывал сейчас, когда всё вокруг было чужим и слишком громким: будто прошлое стало якорем, который не даёт унести в эту новую, тяжёлую тишину.

Меня не выбирали. Меня просто нашли.

Это было на станции «Порог-7» — перевалочный узел между внутренними колониями и дальними маршрутами. Станция жила по своим законам: каждый тянул свою лямку, и никто не смотрел по сторонам. Я тогда работал помощником техника в отсеке жизнеобеспечения: крутил гайки, чинил фильтры, следил, чтобы воздух оставался воздухом, а не ядом. Работа тихая, незаметная, как раз под мой характер.

В тот день я как раз менял картридж в рециркуляторе, когда в отсек ворвался курьер с папкой и бросил её на стол:

— Подпиши вот это. Срочно. И чтобы без ошибок.

Я подписал, не глядя. Потом оказалось, что это был контракт на вахту на Вайтмаре. Не на полгода, не на год — на цикл. А цикл у межзвёздников — это не календарь, это когда корабль сам решает, когда возвращаться.

Сначала я злился. Потом испугался. А потом... смирился. И даже начал гордиться. Потому что на Вайтмаре не брали кого попало. Даже помощника техника проверяли трижды: рефлексy, стрессоустойчивость, умение молчать, когда надо.

И вот я стою на палубе Вайтмары, а вокруг — не станция с её вечной суетой, а настоящая тишина космоса. Такая, что слышно, как гудят стены.

Старший инженер тогда посмотрел на меня и сказал:

— Ты здесь не для того, чтобы чинить трубы. Ты здесь, чтобы замечать, когда трубы вот-вот лопнут.

Я не понял тогда. А теперь понял.

На Вайтмаре я быстро научился не лезть вперёд, не спорить и не тянуть на себя внимание. Зато я научился смотреть. Смотреть на то, как меняется свет на стыках панелей, как по-разному гудят двигатели на разных скоростях, как люди ведут себя, когда думают, что никто не смотрит.

Однажды я заметил, что индикатор на резервной линии мигает не в такт с остальными. Никто не верил: «Это сбой матрицы, забудь». Но я пошёл и проверил. Оказалось — трещина в кабеле, микроскопическая, но уже с налётом перегрева. Если бы не заметили ещё сутки — отказала бы вся система.

После этого Борвин, который тогда ещё не был старшим, а был просто командиром смены, сказал мне:

— Ты не герой. Но ты полезный. Держи глаза открытыми.

С тех пор я и держал.

А потом пришёл этот рейс. Долгий, спокойный, почти скучный. Мы шли через «тихие зоны», где даже радиоэхо замирает. И я думал: вот оно, привычное, надёжное. Вайтмара — дом, космос — стены, а мы — те, кто держит этот дом на ходу.

Пока не пришёл сбой.

Он начался с мелочи: панель на мостике вдруг показала температуру, которой не могло быть. Потом — сдвиг курса на доли градуса, который никто не заказывал. Потом — тишина в одном из каналов связи.

Я был не на мостике, я был в техническом коридоре, проверял вентиляцию. Но я это заметил. Не цифры — а ощущение: будто корабль впервые за много циклов вздохнул не так.

Я побежал к рубке. И успел увидеть, как старший пилот кричит: «Держим курс!», хотя держать уже было нечего.

И вот теперь я стою здесь, на берегу Мидгарда, и понимаю: я всё ещё не воин, не ведун, не мастер. Но я тот, кто видит. А тем временем люди продолжали работу по освоению Мидгарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.